

Елена Валентиновна МаксимюкСибирский государственный автомобильно-дорожный университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки», Омск, Россия
e-mail: Grechko_EV@mail.ru**Особенности референции внутри смежных ассоциативных полей**

Аннотация. Статья освещает результаты ассоциативного эксперимента, направленного на установление референтных отношений внутри смежных образов сознания носителей языка. Языковые реакции респондентов позволили реконструировать фрагмент русской языковой картины мира на современном этапе развития, а вместе с ним и фрагмент системы семантических и грамматических отношений, фрагмент образов сознания, мотивационной и аксиологической системы. Было проведено сравнение референтных областей ассоциаций на слова-стимулы «старик» и «дедушка», «мужчина» и «отец» с целью выявления ядерных и периферийных зон, их соотношения, определения интегральных и дифференциальных зон референции в данных фрагментах русской языковой картины мира с точки зрения психоэмоциональной оценки носителей языка с опорой на реальный жизненный опыт и особенности их языкового представления в речи.

Ключевые слова: языковая картина мира, образ мира, ассоциация, референция, реконструкция.

Elena V. MaksimyukSiberian State Automobile and Highway University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the "Foreign Languages" Department, Omsk, Russia
e-mail: Grechko_EV@mail.ru**Peculiarities of Reference Within Adjacent Associative Fields**

Abstract. The article highlights the results of an associative experiment aimed at establishing referential relationships within adjacent images of native speakers' consciousness. The respondents' linguistic reactions allowed to reconstruct a fragment of the Russian language picture of the world at the present stage of development, and with it a fragment of the system of semantic and grammatical relations, a fragment of images of consciousness, motivational and axiological systems. The reference areas of associations for the stimulus words "old man" and "grandfather", "man" and "father" were compared in order to identify nuclear and peripheral zones, their relationships, and to determine integral and differential reference zones in these fragments of the Russian language picture of the world from the point of view of native speakers' psychoemotional assessment based on real life experience and features of their linguistic representation in speech.

Keywords: language picture of the world, image of the world, association, reference, reconstruction.

Введение (Introduction)

Изучение лингвистической референции помогает решить проблему соотношения языковых выражений с внеязыковой действительностью. Понятие референции междисциплинарное, встречается в философии, логике, лингвистической семантике, социолингвистике и психолингвистике и позволяет глубже понять взаимосвязь человека с окружающим миром. Фундаментальными в данной области исследований стали работы по теории референции Н. Д. Арутюновой [1], Е. В. Падучевой [2], Ю. Д. Апресяна [3; 4], А. Д. Шмелева [5; 6], В. Г. Гака [7], И. Р. Гальперина [8] и др.

В зарубежной науке референтность определяется как отношение значимости, связывающее субъект или объект с другим субъектом или объектом [9; 10; 11; 12; 13]. Особенно важно изучение системы референтных отношений молодых людей — интенсивно развивающихся личнос-

тей, которые ощущают насущную потребность в приобщении к ценностям и социальному опыту других людей. Зарубежные исследователи рассматривали референтность как источник формирования социальных установок и самооценок, ориентирующихся на нее.

С изучением процессов восприятия, отражения объективной реальности в сознании человека, выполняющего определенные социальные роли и имеющего культурную привязку к месту и стране, где он был воспитан, было связано возникновение в отечественной психолингвистической науке понятия «образ мира». Всю свою жизнь человек познает окружающую действительность путем формирования представлений о мире, формирующих в его сознании образ мира на основе личного опыта. «Обращаясь к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие о пятом измерении, в котором открывается человеку объективный

мир. Это — смысловое поле, система значений» [14, с. 253]. При этом образ мира не тождествен отдельному образу — в основе индивидуального образа мира лежит совокупный социокультурный общественный опыт субъекта, существующий в форме идеализированной системы значений. Образ мира формируется в результате восприятия и осознания, интеграции индивидуального и социокультурного опыта.

Литературный обзор (Literature Review)

Образ мира — это сложное интегральное многоуровневое образование, которое обладает определенной системой значений и детерминировано индивидуальным и общественным опытом [15, с. 3]. Разработкой понятий «образ мира» и «картина мира» в отечественной науке занимались основательно [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23 и др.]: были изучены проблемы целостного восприятия мира в результате действия когнитивных механизмов отражения, мотивации, представления, осмысления, категоризации с учетом специфики деятельности и особенностей личного опыта, а также с учетом влияния других экстралингвистических факторов на формирование картины мира.

В зарубежной психологии изучением особенностей и закономерностей построения образа занималась гештальт-психология. Согласно основному теоретическому положению данного направления, психика человека структурирует поступающую разнообразную сенсорную информацию в единое целое. Феномен восприятия в том и состоит, что оно не сводится к сумме отдельных ощущений [24]. Интерес к гештальтпсихологии не угас и сейчас, среди сохраняющих актуальность — вопросы аксиологического характера [25], гендерные аспекты гештальтов в художественном тексте [26], вопросы методологического характера [27], структурные аспекты генеративного характера [28] и др.

Для разностороннего исследования языкового сознания широко применяется ассоциативный эксперимент. Результаты ассоциативных экспериментов дают возможность для расширения парадигмы знаний в области изучения картины мира, языковой личности, социокультурных стереотипов и ментальных лексиконов [29; 30; 31].

Ассоциативный эксперимент в рамках современных лингвистических и психолингвистических исследований выступает как надежный и эффективный инструмент изучения и моделирования языкового сознания и языковой картины мира и их трансформации в процессе исторического и культурного развития общества. Практики использования ассоциативных экспериментальных методик в настоящее время экстраполируются на различные научные сферы с целью изучения «когнитивных процессов, механизмов порождения и восприятия речи и текста, концептуального уровня представления знаний, а также для решения актуальных проблем в культурологии, политологии, социологии и других областях знания» [32, с. 272].

Большой вклад в описание методики проведения и способов описания результатов ассоциативного эксперимента был внесен Ю. Н. Карауловым [33], А. А. Леонтьевым [34], Н. В. Уфимцевой [35] и др.

В ходе жизнедеятельности индивид усваивает национальную культуру, накапливает свой жизненный опыт,

который он отражает в своей речевой деятельности. Интерес к слову обусловлен тем, что оно является «достоянием человека, познающего мир, чувствующего, мыслящего, эмоционально и оценочно переживающего всё воспринимаемое, за словом в памяти индивида лежит память социума, и говорящий вынужден постоянно адаптироваться к естественному и социальному окружению при взаимодействии тела и разума, по закономерностям нейрофизиологической и психической деятельности и под контролем принятых в культуре норм и оценок» [36, с. 4].

Ассоциативный эксперимент широко используется в психолингвистике как эффективный метод исследования и описания особенностей организации языкового сознания. Он позволяет выявить ассоциативные связи респондентов, основанные на индивидуальном опыте положительного или отрицательного характера. Опыт влияет на формирование картины мира, психоземotionalную окраску событий и последующую оценку объектов. В связи с тем, что индивидуальная картина мира — часть национальной картины мира, ассоциативный эксперимент позволяет нам реконструировать фрагмент не только индивидуальной картины мира, но и национальной картины мира, основой для которой являются социокультурные стереотипы.

Реакции, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, одновременно детерминированы влиянием двух факторов: лингвистического (характеристиками слова-стимула) и прагматического (влиянием личности испытуемого и его жизненным опытом) [34, с. 7]. Ассоциирование слова производится респондентами на системно-языковой основе, но обуславливается сознанием носителя языка, его личным опытом, а следовательно, имеет экстралингвистическую составляющую. Ассоциативное значение слова рассматривается как «инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов и формирующийся не только на основе семантической структуры, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей, фонетических особенностей, но и имеющейся в обществе традиции употребления» (Н. С. Болотнова; цит. по: [32, с. 269]). Результаты ассоциативного эксперимента дают исследователю материал для построения функционально обусловленной многогранной психолингвистической модели, содержащей выраженные вербально-когнитивные и психоземotionalные ассоциативные связи. Реконструированная модель отражает фрагмент личного и национально-языкового сознания, эксплицированного в процессе речесмыслопорождения во время ассоциативного эксперимента. В процессе анализа результатов ассоциативного эксперимента исследователь сталкивается с тем, что ряд реакций повторяется, и они являются ядром ассоциативного поля, а часть реакций носит единичный характер и это — периферия. Ядро ассоциативного поля — это фрагмент образа мира целой нации, отраженный в сознании носителя культуры, его мотивов, оценок и культурных стереотипов [35, с. 341]. Ассоциативный эксперимент является эффективным методом при изучении и моделировании внутреннего лексикона человека, личной и национальной картины мира, дает возможность для выявления дифференциальных и интегральных

признаков языковых единиц и характера связей между ними, которые значимы для представителей определенного этноса в процессе коммуникации. Один из основоположников отечественной ассоциативной лингвистики Ю. Н. Караулов говорит о том, что данные ассоциативных экспериментов позволяют воссоздать ассоциативно-семантическую сеть, в которой прослеживается «причудливое переплетение лексико-семантических элементов, знаний о мире, деятельностно-коммуникативных потребностей личности» [37, с. 239]. В концепции А. А. Залевской ментальный лексикон представляет собой «лексический компонент речевой организации человека, обладающий теми же свойствами, какие специфичны для речевой организации в целом. Это динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [29, с. 43].

Использование материалов ассоциативных исследований позволяет наметить новые пути в изучении семантических законов в языке в целом, принципов соотношения семантики и синтаксиса в речи и языке [38; 39; 40].

Методы (Methods)

В исследовании был применен свободный ассоциативный эксперимент, который предполагает отсутствие временных или иных ограничений для респондентов. Эксперимент проводился в 2021 г. со студентами различных факультетов Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (СибАДИ). В эксперименте участвовали 100 респондентов-девушек в возрасте от 18 до 25 лет. Выбор респондентов был обусловлен тем, что в современном обществе очень сильны феминистические тенденции, которые расшатывают традиционное представление о семье, где главой обычно считался мужчина.

Испытуемым были последовательно представлены слова-стимулы *мужчина*, *отец*, *старик* и *дедушка*. При этом они не знали, какое слово-стимул будет следующим. Испытуемым было предложено записать по три ассоциации, которые приходят им на ум при предъявлении слова-стимула.

Нашей целью было проследить особенности референции, динамику и взаимоотношения внутри смежных ассоциативных полей, выявить зоны пересечения, описать психоэмоциональные компоненты смысловых значений слов-реакций и определить экстралингвистическую опору или мотив для возникновения положительной или отрицательной коннотативной окраски ассоциативных реакций респондентов. Эксперимент помог реконструировать и описать фрагмент языковой картины мира, связанный с социальными ролями мужчины и отца в русской современной картине мира, проследить, как эти образы трансформируются в сознании при возрастных изменениях, сопровождающихся сменой статуса и номинативной группы, как меняется их отражение в речи.

При анализе результатов ассоциативного эксперимента применялись следующие методы исследования: когнитивно-семантический, компонентный, описательный и сравнительный.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

При построении ассоциативной цепи на слово-стимул *мужчина* в 35 % случаев респонденты выстраивают ассо-

циативную цепь через зрительный образ, обрисовывая внешние черты, которые выступают как некие элементы идеального образа: *статный*, *сильный*, *красивый* — или как гендерные отличия внешнего характера: *щетина*, *борода*. Эквивалентную частотность (35 %) имеют ассоциации, связанные с прорисовкой характера образа, возникающего при предъявлении слова-стимула *мужчина*. Здесь реакции разделились на две категории: положительные и отрицательные. Отрицательные строятся, вероятнее всего, на личном негативном опыте респондентов: *самовлюбленный*, *эгоист*, *вранье*, *обман*. С точки зрения тактики передачи смысла здесь используется либо характеристика самого объекта, переданная в речи респондента адъективным или номинативным способом, либо собирательное название факта или действия, которое ярче всего будет характеризовать объект ассоциирования. Положительные реакции маркируют соответствие идеалу респондента и отражают: когнитивные особенности и способности (*умный*, *опытный*); поведение в экстремальных ситуациях (*надежный*, *смелый*); поведение по отношению к окружающим (*порядочный*, *строгий*, *джентльмен*, *главный*); уникальные черты характера (*харизматичный*, *волевой*).

Положительные реакции в описании характера встречаются чаще. Из общего количества ответов, относящихся к данной категории, а это 35 % от общего числа полученных ассоциаций: 13 % — это реакции отрицательного характера и 22 % — это реакции с положительными значениями.

Зафиксированы реакции на слово-стимул *мужчина*, характеризующие объект косвенно, например, через отношение его к своему здоровью: *спорт*.

Из общего количества представленных реакций 12 % — это реакции, связанные с социальным статусом и социальными ролями мужчины (*отец*, *хозяин*) или с сопряженными социальными ролями (*дети*, *сын*). Эти реакции маркируют мужчину как успешного, реализовавшегося с профессиональной точки зрения субъекта: *работа*, *машина*, *статус*, *власть*, *галстук*, *мозги*, *босс*, *кулак*, *хозяин*. Языковые средства при метонимическом переносе — номинативные лексемы, актуализирующие в сознании респондента целый фрейм поведения и обстановочной референции, связанный со словом-стимулом.

При построении ассоциативной цепи 8 % респондентов апеллируют к народной мудрости, гласящей о том, что в жизни обязательно должен сделать настоящий мужчина: построить дом, вырастить дерево и родить сына. В ответах респондентов содержатся аллюзии на данное высказывание: *дерево*, *дом*, *сын*.

При смене слова-стимула *мужчина* на слово-стимул *отец* в большинстве случаев (72 %) респонденты опираются при построении ассоциативной цепи на отношения внутри семьи, свой психоэмоциональный опыт. Из этого большинства 60 % случаев — это реакции, отражающие положительный опыт, о чём свидетельствуют ассоциации, выраженные лексемами адъективного типа: *близкий*, *хороший*, *ласковый*, *надежный*, *заботливый*. Эти лексемы характеризуют самого субъекта, заявленного как слово-стимул. То же проявляется и через лексемы номинативного характера: *счастье*, *помощь*, *поддержка*, *близость*,

любовь, пример, верность, надежность, безопасность, доверие. И это уже характеристика психоэмоционального состояния людей, которые живут вместе с субъектом, заявленным как слово-стимул. Это состояние может быть квалифицировано как психологический комфорт, уверенность в человеке, независимо от жизненных обстоятельств.

В остальных 12 % случаев ассоциативные реакции респондентов показаны лексемами с ярко выраженным негативным коннотативным фоном: *равнодушие, отсутствие ответственности, ненависть.* Данные примеры демонстрируют психоэмоциональный дискомфорт респондентов при работе со словом-стимулом *отец*.

Из респондентов 18 % строят ассоциации с опорой на реальный или идеальный образ, его личностные характеристики, характер: *хороший, ласковый, сильный, добрый, заботливый.* При этом для ассоциирования респондентами используются как одиночные лексемы, так и словосочетания: *глава семьи, близкий человек.* О доминирующей позиции отца в семье свидетельствует примерно треть из всех представленных ассоциативных реакций. Наиболее часто встречается реакция *сильный.* Чуть реже представлены реакции: *власть, опора, пример, воспитатель.* Данные реакции маркируют субординационный тип отношений внутри семьи, в рамках которой отец — это глава семьи, защитник, добытчик: *работа, жизнь, еда, семья.*

На втором этапе ассоциативного эксперимента респондентам было представлено слово-стимул *старик*.

Результаты анализа показали, что в 30 % ассоциирование идет через сенсорные зоны, например обоняние: *запах (15 %); зрительный образ (10 %): дряхлый, седина; слуховой канал восприятия (5 %): хриплость.* Актуализация ассоциирования через сенсорные зоны может быть продиктована привычкой человека, например, курить: *сигареты.*

Еще 30 % ассоциативных реакций были построены через отнесение к определенной социальной группе: *пенсионер, пенсия,* а также через отнесение к определенной возрастной группе: *пожилой.* Использование лексемы *возраст* в ассоциативном ряду — смысловой эллипс, передающий значение «преклонный», «очень старый». Экспликация зоны перехода от бытия к небытию передается посредством лексемы *смерть.*

В 15 % случаев ассоциативный ряд строится через описание состояния здоровья метонимическим путем: *трость.* Данная лексема маркирует физическую немощь человека, его неспособность к перемещению без особых приспособлений или посторонней помощи. Лексема *лекарства* тоже экстериоризирует потребность во вспомогательной терапии.

Область ассоциирования «состояние здоровья» может передаваться через место, где человек вынужден проводить время по состоянию здоровья: *дом, больница;* через лексические единицы адъективного типа: *больной, глухой.* Лексема *дряхлый* передает пестрящий психоэмоциональными коннотациями зрительный образ. Ассоциативный ряд может напоминать портрет человека: *седые волосы, морщины, большие колени.* И внешние ассоциации здесь выполняют роль дифференциальных признаков, отделяющих просто взрослых и молодых от старых.

Интересны реакции, вскрывающие социальные проблемы данной прослойки населения: *недостаток любви, одиночество (одинокий).*

Среди ассоциаций встречаются и социально-бытовые характеристики: *хозяйственный.* Они определяют не только возраст, но и психотип человека. Часто мужчин преклонного возраста можно встретить на приусадебных участках, вечно погруженных в дела и заботы. Нашло отражение и хобби (10 %): *охота, рыбалка, сад, дача, грибы.* Зафиксированы реакции, связанные с семейным положением: *холост.*

Можно особо отметить реакцию, связанную с описанием характера: *добрый, доброта;* эти реакции составили 8 % от общего количества полученных ассоциаций.

Встречаются случаи ассоциирования лексемы *старик* с прецедентными текстами (7 %), например со сказкой А. С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке»: *золотая рыбка, корыто.* Ассоциативная реакция *Хоттабыч* актуализирует образ доброго сказочного джинна из повести-сказки Л. И. Лагина «Старик Хоттабыч». Ассоциация *деревня* рождает аллюзии, связанные с рассказом А. П. Чехова «Ванька», где главный герой, мальчик Ванька Жуков, пишет письмо своему деду с просьбой забрать его из города в деревню и в адресной строке указывает «На деревню дедушке Константину Макарычу». За каждой из этих ассоциаций стоит литературный герой, хорошо известный русскоговорящему социуму с детства. Подобные ассоциации относятся к национально-культурным и составляют часть национальной картины мира. Есть примеры ассоциирования с произведениями мировой классики, например с повестью американского писателя Эрнеста Хемингуэя «Старик и море»: *море.*

При смене слова-стимула *старик* на слово-стимул *дедушка* включается личностный фильтр, ассоциирование привязывается к личному опыту и воспоминаниям, имеет более четкий локализованный характер. Например, это может быть место, где часто человек бывал по состоянию здоровья: *больница;* где много времени проводил дома: *телевизор;* где он живет или любит проводить время: *деревня, дача.* Зрительные ассоциации касаются описания внешности: цвет волос — *белые волосы, седина;* рост — *высокий;* наличие бороды или иных внешних атрибутов — *трость.*

Личный фильтр может вскрывать как положительный социальный опыт, так и отрицательный. Положительный социальный опыт отражается, например, в описании конкретных черт характера (40 %): *мудрый, мягкий, веселый, внимательный* — или посредством экспликации психоэмоционального состояния человека (10 %): *счастливый.* Ассоциации могут отражать тип личностных семейных взаимоотношений (30 %): *забота, любовь, радость, тепло, поддержка, опека, хлопоты, семья.* Данные лексемы расположены по мере их частотности появления в ассоциативных рядах, представленных в ответах респондентов. Это аксиологические актаны, маркирующие личностные приоритеты респондентов, в нашем случае девушек в возрасте от 18 до 25 лет.

Отрицательный социальный опыт (5 %) мы наблюдаем, когда ассоциирование лексемы *дедушка* включает дистанцирование и рождает ассоциативные ряды типа: *родственник, ста-*

рость, ошибки прошлого. Отсутствие определения *близкий* придает ассоциации *родственник* абстрактное значение «один из»; выбор существительного *старость*, а не прилагательного *старый* тоже маркирует обобщенный, а не конкретный образ. Ассоциация *ошибки прошлого* дает нам возможность понять источник мотивации для такого типа психоречевой реакции: у говорящего есть какие-то личные причины, негативный опыт, прописанный в индивидуальной картине мира.

Путь ассоциирования может идти не только через личные воспоминания, но и через опыт и память целых поколений: *война*. Накопленный за годы жизненный опыт находит свое отражение (12 %) в реакциях типа: *мудрость, мудрый, знания, опыт*. Присутствие подобных ассоциаций говорит об оценке и признании последующими поколениями опыта предыдущих поколений.

Ассоциирование может тоже идти по пути анализа воспоминаний через сенсорные зоны (3 %), например *слух*. Варианты тут встречаются разные, это может быть тип поведения: *молчание*, а может быть и черта характера: *спокойствие*.

Заключение (Conclusion)

При построении ассоциативных рядов на слово-стимул *старик* респонденты чаще всего опирались на внешний образ. При этом использовались либо лексемы номинативного характера: *морщины, борода, трость, седина*; либо адъективного: *дряхлый, ветхий*. Приблизительно эквивалентную частотность имеет реакция *возраст и старость*. Следующее по частотности основание для ассоциирования — состояние здоровья. Основной способ передачи — метонимический перенос: *пенсия, старость, лекарства, больница, глухота*. Активно встречаются реакции, опирающиеся на национально-культурную картину мира, в виде аллюзий на прецедентные тексты: *золотая рыбка, старуха, корыто, мудрец, Хоттабыч*. Ассоциативные реакции дают информацию о месте жительства (*дом, деревня*), хобби (*охота, рыбалка, дача, грибы*), источник финансирования (*пенсия*), характер (*добрый*), социальный статус (*пенсионер, нуждающийся*) и состояние души (*одинокий, недостаток любви*).

При построении ассоциативных рядов на слово-стимул *дедушка*, которое используется при номинации не только пожилого человека, но и близкого родственника, на первом месте по частотности не внешние характеристики, а внутренние человеческие качества, характер человека и особенности его взаимоотношений внутри семьи. Здесь также отмечаются две основные языковые формы построения ассоциативного ряда: номинативный (*забота, поддержка, тепло, радость, любовь, спокойствие, семья*) и адъективный (*добрый, легкий, хозяйственный, счастливый*). Частотность лексем (*мудрость, знания, опыт*), отражающих когнитивные способности «дедушки», выше, чем у лексем, описывающих внешние признаки (*высокий, худощавый, седовласый*).

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М. : Радуга, 1982. С. 5–40.
2. Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1986. № 1. С. 23–31.

Образ дедушки, реконструированный по результатам ассоциативного эксперимента, более четко локализован, при описании внешности более нейтрален, без ярко эмоционально маркированных определений типа: *дряхлый, немощный*. Образ старика строится респондентами больше с опорой на визуальный опыт, а образ «дедушки» — с опорой на оценку межличностных отношений и личный опыт.

В ряде случаев респонденты считают слова-стимулы *старик* и *дедушка* синонимами. Совпадают ассоциативные реакции, имеющие референцию к возрастным характеристикам обобщенного субъекта: *старость, возраст*; к социально-бытовым характеристикам типа: *хозяйственный*. Общими для двух слов-стимулов являются области ассоциирования, связанные с чертами характера и когнитивным опытом: *мудрый, добрый, доброта*.

При построении ассоциативного ряда на слово-стимул *мужчина* девушки-респонденты в большинстве случаев опирались на внешние идеальные черты и свои представления об идеальном характере. Иными словами, в процессе формирования ответа происходила референция с зоной ожидания, имеющей проекцию в будущее, реализованная посредством вербализации ситуативных фреймов адъективным и номинативным способом, с использованием приемов метонимического переноса и категоризации. Девушки оценивали мужчину и отца как доминирующую с положительной точки зрения личность: *защита, опора, надежный, смелый, защитник, порядочный, строгий, главный, волевой, джентльмен*. Критерием оценки при этом выступал характер референтных отношений с другими людьми. Построение образа происходило с опорой на когнитивный анализ личной перспективы. По результатам анализа ассоциативных реакций можно сделать вывод, что на современном этапе девушки оценивают мужчину и отца как доминирующую личность, на которую можно опереться морально, физически и финансово.

Общей референтной областью для слов-стимулов *мужчина* и *отец* оказался и негативный личный опыт респондентов. При этом и при положительной оценке, и при отрицательной респонденты оценивали не само слово-стимул и объект, выраженный им, а свое психоэмоциональное состояние при взаимодействии с ним. То есть в отличие от ассоциативного ряда на слово-стимул *мужчина*, построенного с перспективой на будущее, ассоциации на слово-стимул *отец* имели референцию к психоэмоциональной оценке опыта прошлого и настоящего.

Сравнение с целью выявления ядерных и периферийных зон и их соотношения в сопряженных по значению словах-стимулах *старик* и *дедушка, мужчина и отец*, в ряде контекстов взаимозаменяемых, позволило нам выявить ряд интегральных и дифференциальных зон референции в данных фрагментах русской языковой картины мира с точки зрения психоэмоциональной оценки носителей языка с опорой на реальный жизненный опыт и особенности их языкового представления в речи.

3. Апресян Ю. Д. Дейкис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. С. 629–650.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.
5. Шмелев А. Д. Референциальные механизмы языка // Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 13–201.
6. Шмелева Т. В., Шмелев А. Д. Прагматические аспекты теории референции // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики : сб. обзоров. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам, 1984. С. 97–136.
7. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М. : Наука, 1973. С. 349–372.
8. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
9. Hyman H. H. "Reference Groups" // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / ed. D. Sills. New York : Macmillan Company & Free Press, 1968. Vol. 13. P. 353–359.
10. Newcomb Th. M. "Attitude Development As a Function of Reference Groups: The Bennington Study" // *Readings in Social Psychology* / edited by E. Maccoby, T. Newcomb & E. Hartley. New York : Holt, Rinehart & Winston, 1958. P. 56–88.
11. Shibutani T. "Reference Groups As Perspectives" // *Readings in Reference Group Theory and Research* / eds.: H. Hyman, E. Singer. New York : Free Press, 1955. P. 103–114.
12. Merton R. K. Reference Group, Invisible Colleges, and Deviant Behavior in Science // *Surveying Social Life* / eds.: J. Hubert, O. Gorman. Middletown : Wesleyan University Press, 1998. P. 174–189.
13. Sherif M. *An Outline of Social Psychology*. New York : Harper & Brothers Publishers, 1948. 479 p.
14. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. I. 392 с.
15. Леонтьев А. Н. Психология образа // *Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 14. Психология*. 1979. № 2. С. 3–13.
16. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания. М. : Смысл, 2002. 480 с.
17. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
18. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.
19. Шапошникова И. В. Устойчивость и изменчивость вербальных ассоциаций русских как отражение процессов самоидентификации при нарушении целостности этнокультурной среды // *Межэтническое общение: контакты и конфликты* : сб. ст. М. : Ин-т языкознания Рос. акад. наук Моск. ин-та лингвистики, 2012. С. 171–193.
20. Палкин А. Д. Образ времени в языковом сознании русских и японцев // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. Т. 16, № 4. С. 5–15. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-4-5-15
21. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // *Языковое сознание и образ мира* : сб. ст. М. : Рос. акад. наук, 2000. С. 191–206.
22. Языковая картина мира и системная лексикография : моногр. / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2006. 910 с.
23. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира : моногр. Воронеж : Истоки, 2003. 59 с.
24. Солсо Р. *Когнитивная психология* / пер. с англ. 6-е изд. СПб. : Питер, 2006. 589 с.
25. Андреева Е. А. Аксиологическое поле фразеологии (на материале русского и немецкого языков) // *Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт»*. 2014. № T20. С. 866–870.
26. Петрикова Е. П. Гендерный гештальт и категории художественного текста // *Вестн. Каз. нац. ун-та. Сер. филологическая*. 2010. № 1–2 (125–126). С. 126–131.
27. Ходоренко А. В. Лингвистический гештальт: проблемы дефиниции, принципы конструирования // *Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации»*. 2011. Т. 24 (63), № 1-1. С. 192–198.
28. Дункер К. Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления // *Психология мышления* : сб. переводов с нем. и англ. М. : Прогресс, 1965. С. 21–86.
29. Залевская А. А. Ментальный лексикон: конструкт, метафора, миф? // *GISAP: Philological Sciences*. 2015. № 8. С. 42–44.
30. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. М. : Валент, 2016. 220 с.
31. Овчинникова И. Г. Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 2 (36). С. 84–98.
32. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8, № 1А. С. 265–275. DOI: 10.25799/AR.2019.43.1.074
33. *Русский ассоциативный словарь* : [в 2 т.] / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой [и др.]. М. : АСТ, 2002. Т. 1. 781 с. Т. 2. 992 с.
34. *Словарь ассоциативных норм русского языка* / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
35. Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // *Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та*. 2014. № 9 (92). С. 340–346.
36. Залевская А. А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон : Междунар. акад. наук и высшего образования, 2014. 180 с.
37. Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. М. : ЛКИ, 2010. 264 с.

38. Черкасова Г. А. Сопоставительные статистические исследования характеристик русских ассоциативных тезаурусов // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2 (24). С. 272–287.
39. Степкин Н. И. Ассоциативное поле *вежливый*: динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 2. С. 151–163. DOI: 10.15293/2658-6762.2002.10
40. Дмитриук Н. В. Ассоциативные словари в Казахстане и казахстанские психолингвистические исследования // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 140–161. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-140-161

References

- Andreeva E. A. (2014) Aksiologicheskoe pole frazeologii (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Axiological Field of Phraseology (Based on Russian and German Languages)], *Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal "Kontsept"* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"], no. T20, pp. 866–870. (in Russian)
- Apresyan Yu. D. (1995) Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in Vocabulary and Grammar and the Naive Model of the World]*, *Apresyan Yu. D. Selected Works. Vol. II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral Description of the Language and System Lexicography]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., pp. 629–650. (in Russian)
- Apresyan Yu. D. (1995) *Selected Works. Vol. I. Leksicheskaya semantika* [Lexical Semantics]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 472 p. (in Russian)
- Apresyan Yu. D. (ed.) (2006) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic Picture of the World and Systemic Lexicography]*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 910 p. (in Russian)
- Arutyunova N. D. (1982) Lingvisticheskie problemy referentsii [Linguistic Problems of Reference], *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue XIII. *Logika i lingvistika (Problemy referentsii)* [Logic and Linguistics (Problems of Reference)]*. Moscow, Raduga Publ., pp. 5–40. (in Russian)
- Asmolov A. G. (2002) *Po tu storonu soznaniya* [On the Other Side of Consciousness]*. Moscow, Smysl Publ., 480 p. (in Russian)
- Borisova Yu. A. (2019) Assotsiativnyi eksperiment v sovremennykh psikholingvisticheskikh issledovaniyakh [Association Experiment in the Modern Psycholinguistic Research], *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches], vol. 8, no. 1A, pp. 265–275, doi: 10.25799/AR.2019.43.1.074 (in Russian)
- Cherkasova G. A. (2015) Sopostavitel'nye statisticheskie issledovaniya kharakteristik russkikh assotsiativnykh tezaurusov [Contrastive Statistical Investigations of the Russian Associative Thesauruses], *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 2 (24), pp. 272–287. (in Russian)
- Dmitryuk N. V. (2020) Assotsiativnye slovari v Kazakhstane i kazakhstanskii psikholingvisticheskie issledovaniya [Associative Dictionaries in Kazakhstan and Kazakh Psycholinguistic Research], *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (43), pp. 140–161, doi: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-140-161 (in Russian)
- Duncker K. (1965) [A Qualitative (Experimental and Theoretical) Study of Productive Thinking], *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of Thinking]*. Moscow, Progress Publ., pp. 21–86. (in Russian)
- Gak V. G. (1973) Vyskazyvanie i situatsiya [Statement and Situation], *Problemy strukturnoi lingvistiki. 1972* [Problems of Structural Linguistics. 1972]*. Moscow, Nauka Publ., pp. 349–372. (in Russian)
- Gal'perin I. R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text As an Object of Linguistic Research]*. Moscow, Nauka Publ., 139 p. (in Russian)
- Hyman H. H. (1968) "Reference Groups", *Sills D. (ed.) International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, Macmillan Company & Free Press, vol. 13, pp. 353–359. (in English)
- Karaulov Yu. N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti [Indicators of National Mentality in the Associative-Verbal Network]*, *Yazykovoye soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and the Image of the World]*. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk Publ., pp. 191–206. (in Russian)
- Karaulov Yu. N. (2010) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]*. Moscow, LKI Publ., 264 p. (in Russian)
- Karaulov Yu. N., Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. (eds.) (2002) *Russkii assotsiativnyi slovar'* [Russian Associative Dictionary]*. Moscow, AST Publ., vol. 1, 781 p., vol. 2, 992 p. (in Russian)
- Khodoreno A. V. (2011) Lingvisticheskii geshtal't: problemy definitsii, printsipy konstruirovaniya [The Linguistic Gestalt: Problem of Definition, Principals of Construction], *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"* [Uchenye zapiski Taurida National University Named After Vernadsky. Issue "Philology. Social Communications"]*, vol. 24 (63), no. 1-1, pp. 192–198. (in Russian)
- Leont'ev A. A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]*. Moscow, Smysl Publ., 287 p. (in Russian)
- Leont'ev A. A. (ed.) (1977) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 192 p. (in Russian)
- Leont'ev A. N. (1979) Psikhologiya obraza [Psychology of the Image]*, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology]*, no. 2, pp. 3–13. (in Russian)

- Leont'ev A. N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya [Selected Psychological Works]**. Moscow, Pedagogika Publ., vol. 1, 392 p. (in Russian)
- Merton R. K. (1998) Reference Group, Invisible Colleges, and Deviant Behavior in Science, *Hubert J. & Gorman O. (eds.) Surveying Social Life*. Middletown, Wesleyan University Press, pp. 174–189. (in English)
- Newcomb Th. M. (1958) "Attitude Development As a Function of Reference Groups: The Bennington Study", *Maccoby E., Newcomb T. & Hartley E. (eds.) Readings in Social Psychology*. Holt, Rinehart & Winston Publ., pp. 56–88. (in English)
- Ovchinnikova I. G. (2018) Sintagmaticheskie sbori v russkoi rechi: interpretatsiya v svete aktual'nykh modelei mental'nogo leksikona [Syntagmatic Mistakes in Russian Speech in the Aspect of the Mental Lexicon Structure], *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, no. 2 (36), pp. 84–98. (in Russian)
- Paducheva E. V. (1986) O referentsii yazykovykh vyrazhenii s nepredmetnym znacheniem [On the Reference of Linguistic Expressions with Non-Objective Meaning]*, *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2 [Scientific and Technical Information. Series 2]**, no. 1, pp. 23–31. (in Russian)
- Palkin A. D. (2018) Obraz vremeni v yazykovom soznanii russkikh i yaponstsev [Image of Time in Language Consciousness of Russians and the Japanese], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, vol. 16, no. 4, pp. 5–15, doi: 10.25205/1818-7935-2018-16-4-5-15 (in Russian)
- Petrikova E. P. (2010) Gendernyi geshtal't i kategorii khudozhestvennogo teksta [Gender Gestalt and Categories of Literary Text]*, *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya [KazNU Bulletin. Philology Series]*, no. 1–2 (125–126), pp. 126–131. (in Russian)
- Popova Z. D., Sternin I. A. (2003) *Yazyk i natsional'naya kartina mira [Language and National Picture of the World]**. Voronezh, Istoki Publ., 59 p. (in Russian)
- Shaposhnikova I. V. (2012) Ustoichivost' i izmenchivost' verbal'nykh assotsiatsii russkikh kak otrazhenie protsessov samoidentifikatsii pri narushenii tselostnosti etnokul'turnoi sredy [Stability and Variability of Russian Verbal Associations As a Reflection of Self-Identification Processes in Violation of the Integrity of the Ethno-Cultural Environment]*, *Mezhehtnicheskoe obshchenie: kontakty i konflikty [Interethnic Communication: Contacts and Conflicts]**. Moscow, Institut yazykoznanija Rossiiskoi akademii nauk Moskovskogo instituta lingvistiki Publ., pp. 171–193. (in Russian)
- Sherif M. (1948) *An Outline of Social Psychology*. New York, Harper & Brothers Publishers, 479 p. (in English)
- Shibutani T. (1955) "Reference Groups As Perspectives", *Hyman H., Singer E. (eds.) Readings in Reference Group Theory and Research*. New York, Free Press, pp. 103–114. (in English)
- Shmelev A. D. (2002) Referentsial'nye mekhanizmy yazyka [Referential Mechanisms of Language]*, *Shmelev A. D. Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost' [Russian Language and Extralinguistic Reality]**. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., pp. 13–201. (in Russian)
- Shmeleva T. V., Shmelev A. D. (1984) Pragmaticheskie aspekty teorii referentsii [Pragmatic Aspects of the Theory of Reference]*, *Yazykovaya deyatel'nost' v aspekte lingvisticheskoi pragmatiki [Language Activity in the Aspect of Linguistic Pragmatics]**. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam Publ., pp. 97–136. (in Russian)
- Solso R. (2006) *[Cognitive Psychology]*. 6th ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 589 p. (in Russian)
- Stepykin N. I. (2020) Assotsiativnoe pole vvezhliviy: dinamika psikhologicheski aktual'nogo sodержaniya v leksikone individa [Associative Field of the Concept 'Polite': Dynamics of Psychologically Relevant Content in Speaker's Lexicon], *Science for Education Today*, vol. 10, no. 2, pp. 151–163, doi: 10.15293/2658-6762.2002.10 (in Russian)
- Ufimtseva N. V. (2014) Assotsiativnyi slovar' kak model' yazykovoi kartiny mira [Associative Dictionary As a Model of Linguistic Picture of the World], *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Proceedings of Irkutsk State Technical University]**, no. 9 (92), pp. 340–346. (in Russian)
- Vasilyuk F. E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya [Psychology of Experience]**. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 200 p. (in Russian)
- Zalevskaya A. A. (2014) *Interfeisnaya teoriya znacheniya slova: psikholingvisticheskii podkhod [Interface Theory of Word Meaning: Psycholinguistic Approach]**. London, Mezhdunarodnaya akademiya nauk i vysshego obrazovaniya Publ., 180 p. (in Russian)
- Zalevskaya A. A. (2015) Mental'nyi leksikon: konstrukt, metafora, mif? [Mental Lexicon: Construct, Metaphor, Myth?], *GISAP: Philological Sciences*, no. 8, pp. 42–44. (in Russian)
- Zaripov R. I. (2016) *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse [Metaphorical Modeling of the Image of Russia in Contemporary French Political Discourse]**. Moscow, Valent Publ., 220 p. (in Russian)

*Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.